

Н. Элиас

ПОНЯТИЕ ФИГУРАЦИИ'

В книгах о проблемах социологии не всегда принято обстоятельно рассматривать образ «индивида», образ отдельного человека. Современная научная специализация настолько строга, что если в связи с универсалиями общества проблемы людей истолковываются не только во множестве, но и по отдельности, то это кажется почти нелегальным переходом границы или даже нелегитимным переносом пограничных столбов. Уже достаточно сказано о том, что конвенциональное разделение, — именно разделение, а не различие, — между научным исследованием *человека* и *людей* является спорным. Большим недостатком конвенциональных социологических теорий является то, что они хотя и пытаются прояснить образ людей как обществ, но забывают, в то же время, о людях как индивидах.

Следствием этого сужения научного горизонта, определенного не *предметными*, а *отраслевыми* основаниями, является то, что теоретики социологии, имея дело с совершенно специфическим образом отдельного человека, «индивида», не подвергают его критической проверке. Они некритически переносят в свои теории и гипотезы «общества» одну из непроясненных оценок и донаучных картин об отдельных индивидах, основанную на идеалах. Если эта проблема, как здесь и происходит, явно попадает в поле зрения, то легко увидеть, что расщепление образа человека на образ *человека* и *людей как обществ* является интеллектуальным заблуждением. Даже если не принимать во внимание, какой вред наносится отдельным наукам о человеке тем, что в их теориях отдельный человек стоит в свете рампы и его включение в общество проявляется в качестве «неструктурированного фона», обстановки и окружающей среды на краю их поля зрения и интереса. Социолог в любом случае не может подчинять себя какой-либо одной традиции, зачастую утверждающей будто бы задачей социологии является критическое рассмотрение имеющихся представлений об «обществе», а не об «индивиде» и по возможности согласование их с имеющимися пластами знания. Разумеется, одно без другого сделать нельзя. При изучении людей можно концентрировать свет всех прожекторов то на отдельных индивидах, то на фигурациях, которые совместно образуют отдельные индивиды. Но понимание обоих уровней рассмотрения является недостаточным, если они постоянно не рассматриваются вместе. То, что обозначается двумя различными понятиями «индивид» и «общество» — как это предстает в нынешнем употреблении, — является не двумя раздельно существующими объектами, а различными, но неразделимыми уровнями человеческого универсума.

• Перевод главы из книги «Что такое социология?» дается по изданию: Elias N. Was ist Soziologie? Munchen: Juventa Verlag, 1970. S. 139- 145.

объектами, а различными, но неразделимыми уровнями человеческого универсума.

Для решения этой проблемы и введения в обращение новых понятий необходима определенная экономия средств. Если в связи с новым пониманием ученый злоупотребляет правом вводить в обращение новые понятия, как это иногда бывает, то блокируются возможности коммуникации как внутри его собственной научной дисциплины, так и между ней и другими науками. При современном состоянии социологической дискуссии введенное здесь понятие «фигурации» должно решить специфическую задачу. Оно дает возможность прекратить социально обусловленное мыслительное расщепление и поляризацию образа человека, которое вновь и вновь побуждает нас к сопоставлению образа человека как индивида и образа людей как обществ. Совершенно ясно, что в этой понятийной поляризации речь идет об отражении различных общественных систем веры и идеалов. На одной стороне находится социальная система веры, чьи приверженцы рассматривают как высшую ценность «общество», на другой – система веры, последователи которой считают высшей ценностью «индивида». Поэтому в современном сознании закрепляется представление, что двум различным ценностям соответствуют два различные, раздельно существующие объекта. Оно усиливает самообраз «Я в футляре», образ человека как «homo clausus».

Понятие «фигурация» служит для создания понятийного инструмента; с его помощью можно ослабить социальное принуждение думать и говорить так, будто «индивид» и «общество» есть две различные и, более того, антагонистические фигуры.

Представленные [в книге Элиаса. – Прим. пер.] модели сплетений в определенной степени прояснили, в каком смысле употребляется здесь понятие «фигурация». Если четыре человека сидят за столом и играют в карты, то они образуют фигурацию. Их действия взаимозависимы. Конечно, в этом случае возможно обычное субстантивное употребление, т.е. можно говорить об «игре», будто бы она обладает своей собственной экзистенцией. Можно сказать: «игра идет медленно». Несмотря на все объективирующие высказывания, в данном случае совершенно ясно, что ход игры вытекает из сплетения действий группы взаимозависимых индивидов. Ход игры обладает, при сравнительно равной силе игроков, относительной автономией по отношению к каждому из них. Но он не обладает, как бы ни давало понять значение слова «игра», субстанцией, экзистенцией, сущностью, которая была бы независима от игроков. Столь же мало игра является идеей или «идеальным типом», который социолог получает посредством генерализации, рассматривая поведение каждого игрока в отдельности и абстрагируя затем определенные особенности, которые обычно присущи поведению многих отдельных игроков, как закономерность индивидуального поведения игрока. «Игра» столь же мало является абстракцией, сколь и «игроки». То же относится и к фигурации, которую создают четыре игрока, сидящие за столом. Если понятие «конкретное» вообще имеет смысл, то можно сказать, что фигурация, которую составляют игроки, так же конкретна, как и сами игроки.

То, что при этом понимают под фигурацией, есть не что иное, как изменяющийся образец, который игроки вместе формируют как целое, включая не только их интеллект, но и их цельную личность, их цельное действие в их взаимосвязи. Как видно, эта фигурация создает структуру напряжения. Взаимозависимость игроков – предпосылка того, что вместе они образуют специфическую фигурацию, – является не только взаимозависимостью их как союзников, но и как противников.

Характер фигурации распознают по игровой структуре, которая может обладать иерархией многих «я»- и «он»-отношений или «мы»- и «они»-отношений, если думать о футболе. Здесь особенно заметно, как две взаимозависимые группы противников, которые противостоят в «мы» – «они»-отношениях, вместе составляют одну-единственную фигурацию. Подвижная группировка игроков одной стороны является понятной только во взаимосвязи с подвижной группировкой игроков другой стороны. Чтобы понять игру и получить от нее удовольствие, зрители должны быть в состоянии следить за изменяющимися взаимосвязанными позициями игроков, т.е. текучей фигурацией, которую образуют обе стороны. Здесь, возможно, еще более отчетливо видно, как бессмысленно было бы рассматривать отдельных играющих индивидов самих по себе как «конкретных», а фигурации, которые они вместе создают, обозначать как «абстрактные», или отдельных играющих индивидов – как «реальных», а их группировку, текучую фигурацию на игровом поле – как «нереальную». Ясно видно также, на каком основании понятие «власть» превращается из субстантивного понятия в понятие отношения. В центре меняющихся фигураций или, иначе говоря, процесса фигурации находится флуктуирующее равновесие напряжения, постоянное движение баланса власти, который клонится то в одну, то в другую сторону. Флуктуирующие балансы власти такого рода принадлежат к структурным особенностям каждого потока фигураций.

Эти примеры, вероятно, помогут понять, в каком смысле применяется здесь понятие фигурации. Его можно отнести как к малым группам, так и к обществам, состоящим из тысяч или миллионов взаимозависимых индивидов. Учитель и ученики в классе, врач и пациенты в группе терапии, завсегдатаи кафе, дети в детском саду, все они образуют относительно обозримые фигурации. Фигурации образуют также и жители деревни, большого города или нации, хотя в этом случае эти фигурации не воспринимаются напрямую, потому что те цепи взаимозависимости, которые этих людей связывают, являются намного длиннее и дифференцированнее. Особенности таких комплексных фигураций стараются уяснить опосредованно, путем анализа цепей взаимозависимости. Это явно указывает, прежде всего, на то, что в социологическом анализе невозможно удовлетвориться лишенными человеческих качеств именами существительными как инструментом исследования. Идет ли речь о функции или структуре, о роли или организации, об экономике или культуре, значение этих понятий часто оставляет без внимания их обратную связь со специфическими фигурациями людей, подобно значению понятия «игра», если теряется из виду тот факт, что игра – это аспект специфической фигурации играющих.

Поэтому остается под вопросом, можно ли социологию, как это часто сегодня случается, характеризовать как «науку о поведении». Если это делается,

то легко возникает впечатление, будто социологические проблемы можно легче решить, если в центр социологического исследования поместить поведение отдельных индивидов, вместе создающих обсуждаемые общественные формации. В качестве специфически общественного положения вещей затем легко появляется все то, что можно абстрагировать как общность из поведения множества отдельных индивидов. Но это, конечно же, ограниченное и во многих отношениях искаженное представление задачи социологии. При помощи исследований, которые ограничиваются рассмотрением поведения множества отдельных индивидов, доступ к общественным структурам, изменяющимся человеческим фигурациям, проблемам разделения власти, баланса напряжений и многим другим специфически социологическим проблемам можно получить лишь в ограниченной мере.

Тем самым не утверждается, что статистические исследования общности поведения представителей определенных групп не имеют места в социологической исследовательской работе. Они во многих случаях необходимы. То, от чего это зависит – суть теоретические предпосылки, на основе которых принимается статистический опрос, и, прежде всего, это вид постановки проблемы, на решение которой этот опрос и направлен. Теоретические границы фигуративной социологии и социологии развития, конечно, оставляют пространство и для статистических исследований. Но сегодня часто происходит так, что тип статистики, который настаивает на исследовании поведения многих, опять-таки представленных как независимые отдельных индивидов, диктует постановку вопросов социологов. Как говорят англичане: «Хвост виляет собакой». Если исследование процессов фигурации, структура которых становится более сложной, оказывается социологической задачей, тогда необходимо стараться развивать вспомогательные статистические средства, соответствующие этой задаче.

С помощью категории фигурации внимание направляется на взаимозависимости индивидов. Вопрос состоит в том, что же, собственно, соединяет людей в фигурации. На вопросы такого рода ответить невозможно до тех пор, пока все отдельные индивиды рассматриваются по отдельности, как будто каждый из них – это некий «homo clausus». При этом исследователи остаются на уровне наук об отдельных индивидах: психологии и психиатрии, из которых в связи с определенными теоретическими представлениями бихевиоризма происходит понятие «наука о поведении». Другими словами, все специфически социологические проблемы сводятся, таким образом, к социально-психологическим. Молчаливо предполагается, что общества, фигурации, которые вместе образуют взаимозависимые индивиды, есть в своей основе не что иное, как скопления индивидуальных атомов. Вероятно, пример карточной или футбольной игры несколько поможет сделать более видимыми недостатки такой гипотезы. Отчасти такое атомистическое представление об обществе, безусловно, покоится на неспособности представить себе, что из сплетения поведения многих людей вырастают специфические переплетающиеся структуры, идет ли речь при этом о браке или парламентах, об экономических кризисах или войнах, которые невозможно понять и объяснить с помощью редукции к поведению отдельных участников. Такая редукция означает непризнание относительной автономии предметной области социологии и, тем самым, самой социологии по отношению к психологии.